

а л е к с а н д р
БОРОВСКИЙ

ЧЕМОДАН, КОТОРЫЙ ГУЛЯЛ
САМ ПО СЕБЕ

Сказки на вырост

амфора

Александр Боровский

Сказки на вырост

DEPARTURES

Чемодан,
который гулял сам
по себе

Санкт-Петербург
АМФОРА
2014

Portes
Gates

51 to E6

Toilettes
Toilets

К своим шести годам Тея была уже опытной авиапассажиркой. Конечно, до папы ей было далеко — тот, кажется, и живёт в самолётах: Санкт-Петербург, Москва, Гонконг, Пекин, Шанхай. Тем не менее Тея уже свободно ориентировалась в аэропортах. Знала — прежде всего надо посмотреть на табло объявлений: номер рейса, время вылета, в какие ворота идти на посадку. Конечно, всё это запоминала мама, но и Тея уже могла кое-что прочесть, название города, например. Поэтому она обязательно проверяла: так, табло не дремлет, помедлит-помедлит, как будто задумается, а потом, как из пушки, выстрелит цифрами и буквами с особым металлическим звуком.

Затем надо пройти таможенный контроль — там проверяют, не везёшь ли ты чего лишнего. Точнее, на вылете проверяют, не вывез ли, а после посадки — не ввёз ли. Тею с мамой, правда, ни разу не проверяли, а жаль, было бы интересно. Даже собаку Тея иногда видела специальную, таможенную — собака тяжело дышала, высунув язык.

— Видишь, она на работе, — сказала мама. — Вынюхивает.
— Что вынюхивает?
— Всякие запрещённости, — ответила мама. — Тебе ещё рано знать.

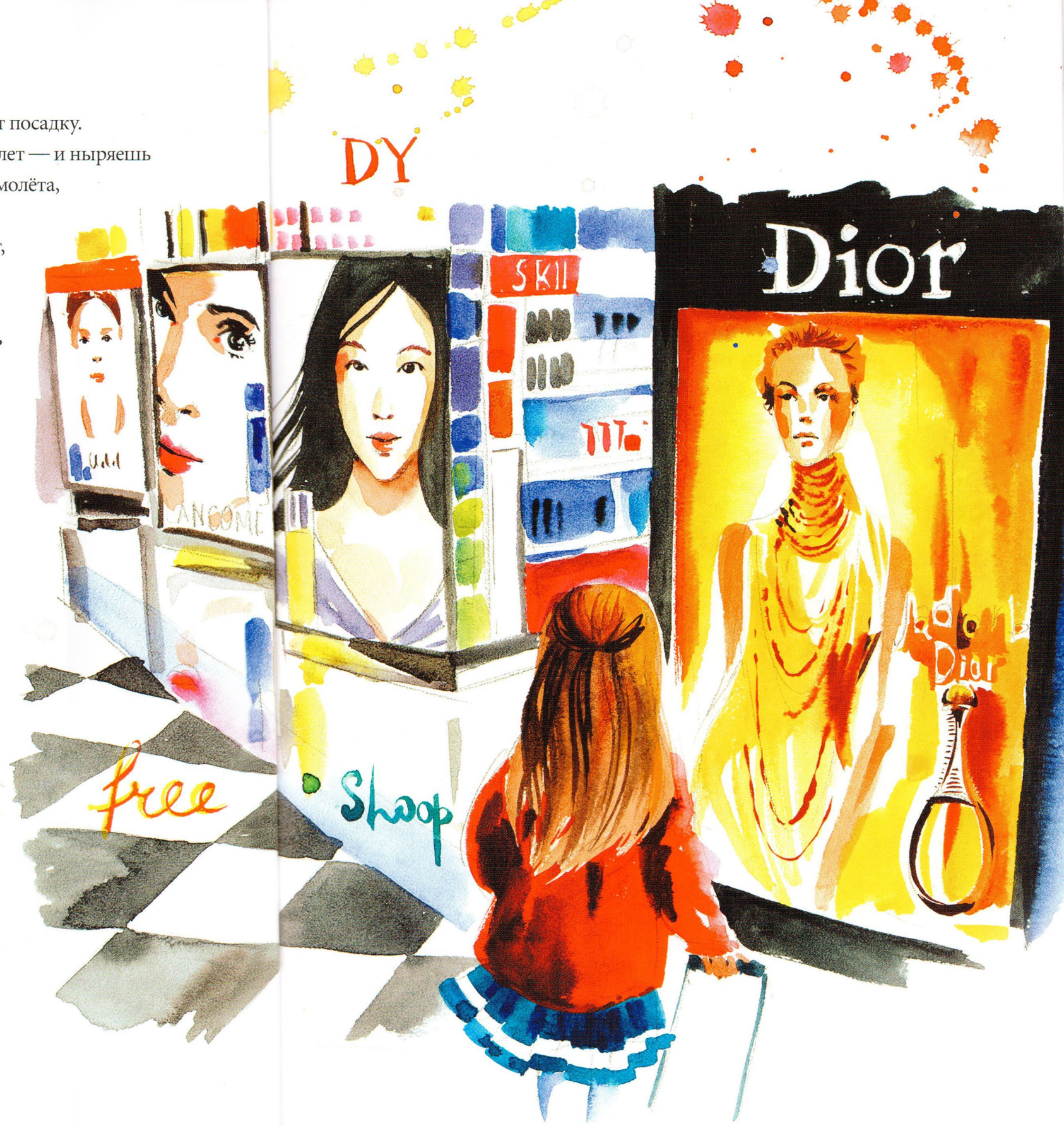
Рано так рано, Тея не настаивала. У них всё равно никаких запрещённостей не водилось, а так было бы интересно: найдёт собака или нет?

Далее — паспортный контроль: на тебя из специальной кабинки, как на взрослую, внимательно смотрит человек в форме — проверяет, та ли ты на самом деле девочка, что

на фотографии в документе. А дальше идут залы, которые называются Duty Free.

— Это означает «беспошлинно», — говорила мама, — товары здесь продаются якобы дешевле, чем в городе. На самом деле, может, и дороже. Просто место выгодное: людям между полётами некуда себя девать, вот они и ходят, покупают. Правда, мама и сама охотно проводила здесь время. Если не покупала, то осматривала. А посмотреть здесь было на что. Магазин на магазине. В одном — съедобное: конфеты, галеты, паштеты, всё — в красивой упаковке, в другом бутылки всех сортов, в третьем — моды всяческие. Платья, туфли, очки! Загляденье!

Не успеешь всё осмотреть — объявляют посадку. Проходишь в свои ворота, показываешь билет — и ныряешь в длинный рукав, который ведёт к борту самолёта, в самое его брюхо. Находишь своё кресло, пристёгиваешься — сначала мама проверит, потом стюардесса, — и считай, ты уже в воздухе! Тее всё нравилось в аэропорту. Но особенно — сдавать чемоданы. Кладёшь свой багаж (конечно, тяжёлые чемоданы мама сама поднимает, правда, всегда в очереди дядечки находятся, которые ей помогут, — но Тея свой рюкзачок пристраивает сама) на специальную ленту — багажный транспортёр. Человек в форме авиакомпании за стойкой поколдует над своим компьютером, и тот выплёвывает твой билет и специальный длинный талон, который он, как галстук, повязывает на ручку чемодана. Готово — и он нажимает на кнопку: раз — и твой багаж уже плывёт на ленте, вливается в ручеёк других чемоданов, сумок, баулов, рюкзаков.

А там, где-то за стеной
(это уже недоступно взгляду
пассажира, нужно воображе-
ние, чтобы это представить),
ручейки вливаются в реку.

Только подумайте: река чемоданов
движется где-то в чреве аэропорта, на
каждом — свой номер, каждый находит
свою дорогу именно к своему самолёту!
А если представить себе все чемоданы во всех
аэропортах мира, которые одновременно, то есть
в эту самую минуту, находятся в пути! Океан чемоданов!
И каждый возвращается к хозяину!

«А вот и не всегда!» — Тут Тея вспоминала историю папиного чемодана. Это чемодан коричневой кожи, благородно-старомодный, с ремнями. Довольно потрёпанный — папа, как уже говорилось, налетал, наверное, сотни сотен тысяч километров! По бизнесу! Тея не очень разбиралась в том, что это такое, но твёрдо знала, что бизнеса без перелётов не бывает. Так вот, это был надёжный чемодан. И вот однажды в Москве он потерялся! То есть был подменён таким же — старым, видавшим виды чемоданом. Вот что удивительно — среди путешествующих чемоданов большинство однотипны, они похожи один на другой и по форме, и по цвету. Владельцы даже специально помечают свой чемодан — ленточкой, брелоком, карточкой с именем и фамилией, — иначе и сами не отличат на багажной ленте свои сумки от чужих. (Кстати, по-английски — а Тея уже начала учить иностранные языки — эта лента смешно называется: *baggage carousel*, и без перевода понятно — карусель для багажа!)

А тут чемодан неординарный, характерного вида. И надо же — у него нашёлся почти что близнец. Даже замки на обоих только защёлкивались, а не закрывались на ключики, давно владельцами потерянные. Так и неизвестно — папа ли по привычке, торопясь, подхватил чужой чемодан, оставив свой на подвижной ленте, или это сделал владелец чемодана-близнеца. Им оказался немолодой англичанин, журналист. Папа и не открывал чемодан, войдя в дом, он сразу сел обедать с мамой и Теей. Зато англичанин открыл. Легко представить, как он удивился, увидев чужие рубашки, брюки, носки и, главное, папки с чужими деловыми бумагами. На удачу, он сразу нашёл папину карточку с телефоном.

— Извините, сэръ, вы говорите по-английски?

— Немного, — скромно ответил папа: вообще-то он свободно говорит на многих языках.

— Вы знаете, где ваш чемодан?

— Странный вопрос. Вот он, в прихожей.

— Ещё раз прошу прощения, но это — мой.

— Не может быть, что я, своего чемодана не узнаю?

— А вы откройте, пожалуйста.

Папа расстегнул ремни чемодана, щёлкнул замком, открыл крышку: боже, чужие вещи! Рубашки, брюки — всё чужое. И груда блокнотов с записями — владелец чужого чемодана, как уже говорилось, был журналистом и собирал материалы для книги про Россию. Папа и англичанин долго рассыпались во взаимных извинениях и тут же обменялись чемоданами: гостиничный водитель привёз папин чемодан и забрал английский. Тут бы и конец, но на самом деле

история только начинается.

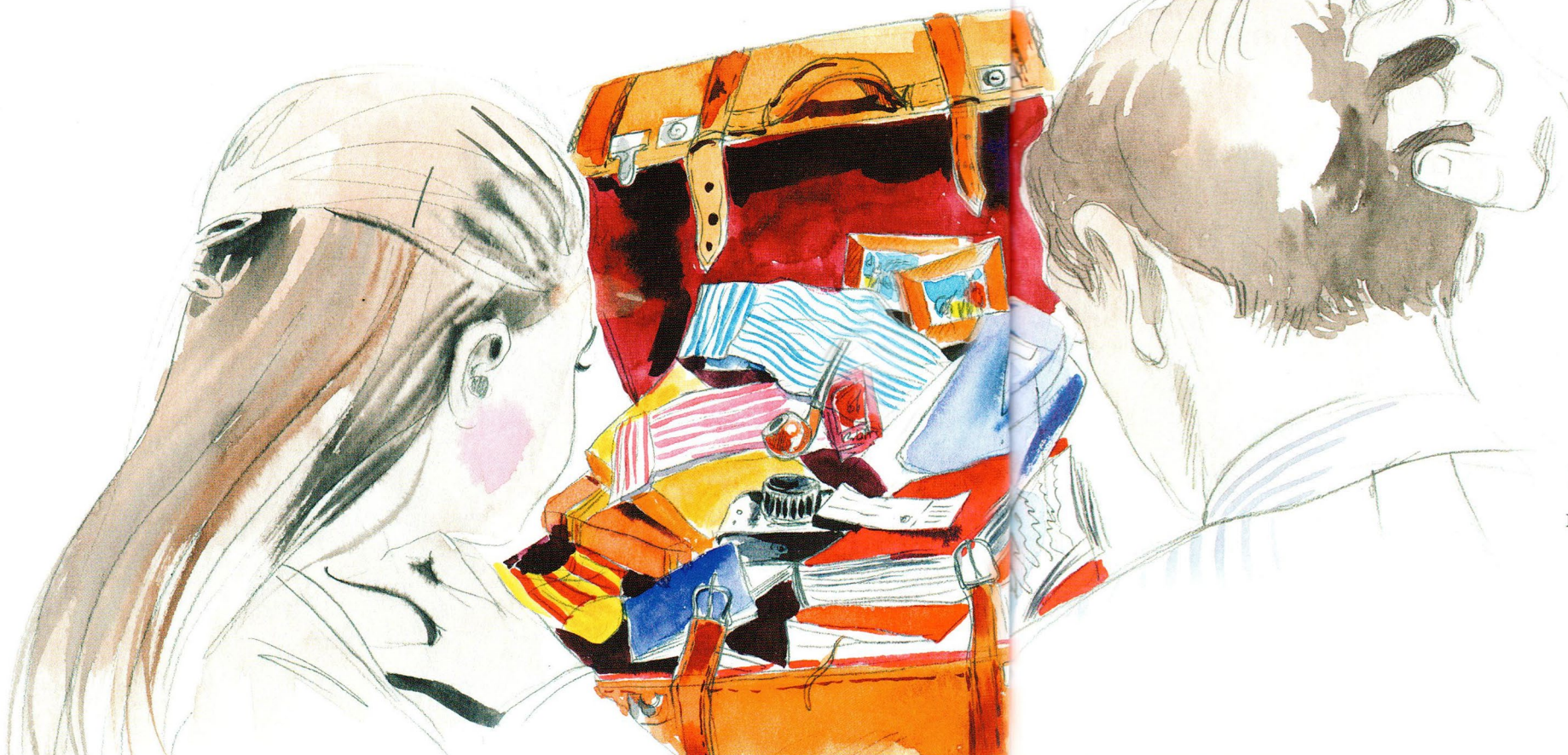
Дело в том, что папин чемодан был не только характерного вида.

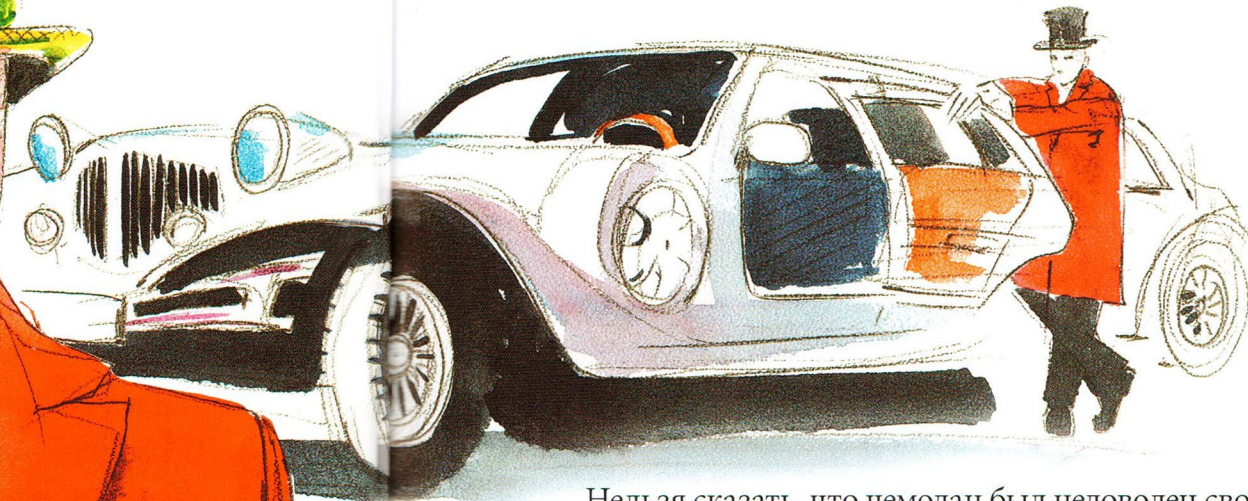
Он и сам оказался с характером.

Ему очень понравилось,

что во время всей этой обменной истории с ним носились

как с писаной торбой. О нём велись переговоры. Его отвозил специальный шофёр — в гостиничной ливрее и фуражке.

Нельзя сказать, что чемодан был недоволен своим хозяином, просто после случившегося он стал как-то по-новому к себе относиться. «С чего это я позволяю себя использовать! Гоняют меня из города в город по суше и воздуху, ни сна тебе, ни роздыху. А сами-то без меня и дня не проведут. Чуть что — лимузин за мной присылают. Пора пожить для себя. Воспользоваться своим положением». Под этим чемодан подразумевал своё положение на «карусели для багажа». То есть возможность соскочить с неё. Не то чтобы вывалиться за борт — чемодан вовсе не хотел царапин и повреждений. Соскочить — просто сойти с того маршрута, который был обозначен в багажном талоне, на том самом бумажном галстуке. Наш чемодан попутешествовал на своём веку, все ходы и выходы из мировых аэропортов знал не понаслышке, правила багажных перевозок изучил, так сказать, на своей чемоданной шкуре. Понимал: пока тебя везут в багажной тележке под присмотром хозяина, никуда не денешься. Из самолёта тоже не выпрыгнешь. Остаётся, коли захотелось попутешествовать самому, по своему хотению, как говорилось в старых сказках, одна возможность — сбежать, пока ты движешься на этой багажной ленте.

Ни раньше ни позже. А как это сделать? Ног-то у чемоданов не бывает! Чемодан, много на своём багажном веку повидавший, знал один способ. Ставят тебя на багажную ленту, она и везёт «по адресу». Через пару минут ты уже в темноте, за стенкой, никто тебя не видит.

Двигайся себе, как и другие чемоданы, расслабляйся. Пока у нужного выхода тебя не подхватят грузчики, не забросят на специальную перевозную машину, и — к самолёту. Вот ты уже и на борту. Но если хочешь изменить маршрут — лови момент, не зевай. У тебя есть шанс. Ты можешь раскатать себя и, бочком-бочком, плавно так, незаметно, перевалиться на соседнюю ленту. Их ведь много вокруг — пересекаются, сливаются в реки, снова распадаются на ручейки. Если у тебя есть конкретный адрес, важно знать, на какую ленту перевалиться: мало ли куда завезут. Не успеешь ремни затянуть, как окажешься в каком-нибудь Шри-Джаяварденепура-Котте... Ну а если ты хочешь сюрприза, действуй наобум: переваливайся на любую полосу, хоть встречную, хоть поперечную. На какой-никакой борт попадёшь всё равно.

Зато какой кайф — не знаешь, к какому берегу пристанешь! То есть в каком городе окажешься, где тебя закрутит багажная карусель! Наш чемодан так и сделал. Сначала осторожничал — выбирал места поближе. Скажем, должен был появиться в Петербурге, а устраивал так, что его высаживали в Москве. Вылетал в Пекин, а оказывался в Шанхае. Папа нервничал, требовал в Lost and Found (так называется специальная служба по розыску багажа в каждом аэропорту, «Потеряно — найдено», проще говоря)

немедленно
принять меры, горячился.
Его просили показать на специальной
картинке, как выглядит его багаж.

Но чемодан-то был нестандартным, приходилось его описывать: кожа жёлтая, потёртая, нрав смиренный, характер отзывчивый — ну что не напишешь, когда пропал твой любимый предмет! Справедливости ради отметим: чемодан возвращали быстро. Надо было видеть, с какой радостью бросался к нему папа Теи, подхватывал на руки, чуть в воздух не подбрасывал от радости! Конечно, чемодану было приятно. Но одновременно он ещё больше проникался чувством собственной значимости. Прямо распирало его от самодовольства, пришлось даже лишние дырочки в ремнях просверлить. Решил он, что всё себе может позволить. И действительно, попутешествовал всласть, не то что по разным странам — по чужим континентам!

И переваливался с одной ленты на другую он уже не таясь, а открыто.

«А ну, расступись, — покрикивал он, расталкивая своих собратьев. — Вы все тут как на привязи, все подневольные, а я чемодан свободный! Лечу, куда захочу!» Конечно, его возвращали, но уже не так скоро — через несколько дней, а то и недель. Нелегко выудить потерянный багаж в океане других чемоданов! Тем более что наш чемодан был не потерянный, а беглый.

Тея первая догадалась, что его отлучки — неслучайные: слишком уж самодовольно поглядывал на неё возвращённый чемодан, когда папа, наравдавшись, оставлял его в коридоре. Просто лоснился от удовольствия. Улыбался во всю молнию! Только что не подмигивал: знай наших. А ведь должен был выглядеть потерянным: дескать, сколько я пережил, пока домой не вернули, такого натерпелся! Папа ничего подобного не замечал. А если замечал, то не обращал внимания: ну, чемодан немного не в себе, оглушили его все эти приключения. Не поверил папа и специалистам из Lost and Found: те давно уже заподозрили, что с чемоданом творится что-то неладное: «Ну не бывает, чтобы столько раз терялся именно этот чемодан! Похоже, сэр, ваш чемодан загулял». (Это в иностранных аэропортах так церемонно обращались, а в наших, российских, — попроще: «Хозяин, сколько можно терпеть выкрутасы вашего чемодана! Беспредел! Он совсем с катушек сошёл — отвязный он у вас какой-то!»)

Наш чемодан заметил: во всех аэропортах специальные службы к нему как-то по-особому стали присматриваться, камеры слежения просто прилипли, не упускают из виду. Любой другой чемодан на его месте почувствовал бы: того и гляди, схватят за руку (то есть за ручку или за ремни).

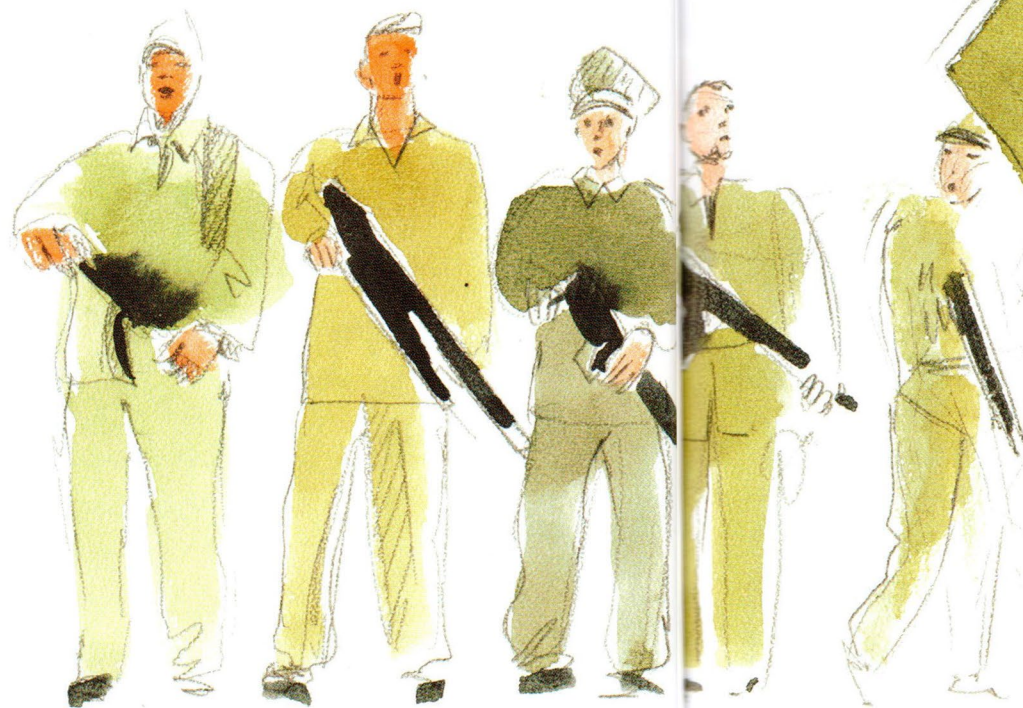
travel
suitcase

Baggage carousel...

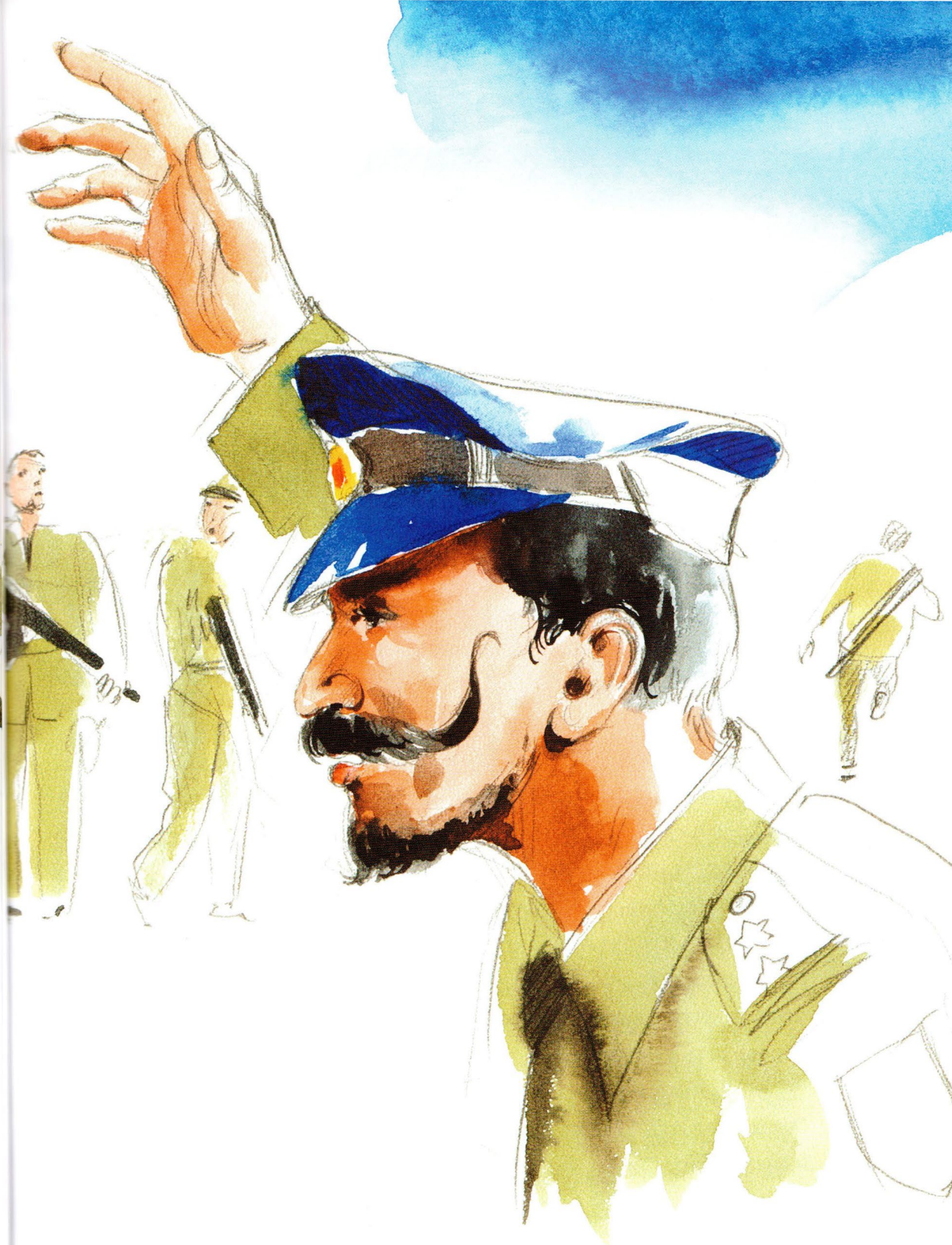

Наш же решил, что всё это делается для его безопасности, — как вы уже знаете, он слишком много возомнил о себе: считал себя чемоданным VIP, то есть Очень Важной Персоной. Всё шло к тому, что самовольство этой чемоданной персоны пресекут соответствующие службы. Однако его ждала другая неприятность. Его украли! Вот как было дело. Наш чемодан занесло в какую-то маленькую латиноамериканскую страну — он и название позабыл со страху. По справедливости говоря, он сам себя занёс, не сказать даже, что случайно: привык баловать себя сюрпризами, вот и доигрался. Аэропорт в столице был слабо обустроен — всего одна взлётная полоса, да и та не принимала тяжёлых самолётов. «Безобразия, оказывается, меня везли на старом пропеллерном самолёте! Сроду на таких не летал! — возмущался наш чемодан. — А где багажная карусель?» Ничего подобного в аэропорту, конечно, не было: всё грузилось вручную.

Чего в аэропорту хватало, так это солдат с оружием: обстановка в стране была уже много лет беспокойная, чем дальше — тем хуже. Грузчики выбрасывали — довольно небрежно, надо сказать, — багаж прямо из самолёта на взлётную полосу, а дальше, к похожему на торговый павильон строению аэропорта, его перевозили в обычном грузовике. «Ничего себе экзотика», — подумал наш чемодан,

когда чьи-то руки выхватили его из горы предназначенной для погрузки клади. Это были явно не крепкие, привычные к тяжестим ладони грузчиков — чемодан прихватили потные, дрожащие от страха руки воришки. Тот дождался, когда солдаты охраны отошли перекурить с пилотом, выдернул чемодан и волоком потащил его по поросшему травой полю.

«Бездельники, обернитесь! Караул! Какую персону уворовали!» — взывал чемодан. Но — мысленно: всё-таки говорить вслух он, при всей своей самоуверенности, не умел. Поэтому солдаты так и не обернулись, а чемодан похититель затолкал в салон видавшего виды пикапа. Машина немедленно сорвалась с места. Ворышек оказалось двое. Сам похититель и водитель. Оба — в цветастых рубашках, какие-то дёрганные. Это были самые вульгарные, мелкие представители воровской профессии. Водитель сразу же набросился на напарника:

— Ну и что ты притащил? Разве это чемодан? Нашёл чем поживиться. Развалина какая-то. Такому же нищebroду принадлежит, как и ты сам. Ничего хорошего в таком перевозить не станут.

— Ты бы сам попробовал, — огрызнулся похититель. — Везде солдаты. Еле выбрался. Что сверху лежало, то и прихватил. Да порядочные сюда и не прилетают...

Наш чемодан не успел возмутиться, хотя бы и мысленно, — как, он — развалина, хозяин — нищebroд? «Что ты мелешь, несчастный ворышка!» — не успел, потому что дальше последовало совсем уж неприятное.

— Возьми нож. — Человек за рулём передал напарнику огромный тесак. — Вскрой брюхо этой развалине. Посмотрим, что там внутри. Уверен, что барахло. Выложи всё на сиденье. А это... — Он явно имел в виду чемодан, вернее, то, что от него останется после вскрытия. — ...выброси на ходу.

«Плохо дело, — подумал чемодан. — Приключение-то оборачивается злoключением». Но не таков он был, чтобы растеряться. «Быстро вспоминай, чем можно отпугнуть негодяев, — приказал он себе. — Ты же находчивый. Чего они боятся? Конечно, полиции. Но где её взять? Оружие нужно — но откуда оно у меня возьмётся... Хотя... Все сегодня боятся террористов. Бомб подложенных боятся».

Чемодан недаром провёл полжизни в аэропортах, наслушался объявлений: «Граждане, не прикасайтесь к неопознанным предметам — сумкам, чемоданам и свёрткам». Да и среди собратьев-чемоданов шли разговоры о террористах и взрывах; помнится, один даже хвастался, дескать, пережил налёт в аэропорту. Кажется, в бейрутском. «Так, но бомбу-то где взять... Думай, думай, — говорил себе чемодан. — Страна-то, похоже, бедовая — вон сколько солдат... Значит, и борцы с режимом есть, бомбы взрывают. А как иначе... Тут люди простые, бомбы у них наверняка

старомодные, с часовым механизмом. И самый последний воришка знает: перед тем как взорваться, такая бомба тикает. Так-так, а часы-то у меня есть... (Папа, Тея знала, всегда возил с собой будильник. Он столько раз пересекал часовые пояса, что всё у него перемешалось, и нужно было ставить будильник по местному времени, чтобы не проспять важные встречи. Вот с этим будильником и была связана последняя надежда чемодана.) Надо заставить их тикать». Чемодан собрался с силами и вздрогнул всем своим туловищем. Один раз. Второй. Третий. Однако будильник мирно спал между рубашками и свитерами. Чемодан не падал духом. Вдох — выдох, выдох — вдох, он видел, что такие упражнения делал по утрам папа Теи. Ну как тут не пожалеть, что чемоданы не могут делать по утрам и пробежку, как папа Теи, иначе в такой ситуации чемодан обогнал бы любого чемпиона. Ну, чего нет, того нет. Оставались «дыхательные упражнения». Постепенно чемодан приблизился к краю сиденья, а затем и упал на пол.

— Ты чего там замер? — закричал на своего поделщика человек за рулём. — Ворон считаешь? Сколько тебе говорить — вскрывай это барахло! (Надо сказать, речь этих людей была очень груба. Мама никогда не употребляла подобных слов, по крайней мере при Теи. Но — что сказано, то сказано, как иначе передать напряжение момента.) Воришка на заднем сиденье ничего не ответил. Он прислушивался. А прислушавшись — оцепенел. Потому что услышал отчётливое тиканье: будильник наконец проснулся, ожил. Наконец — секунд через десять — тиканье услышал и старший воришка, тот, что сидел за рулём.

— Ты что принёс! — завопил он благим матом. — Бомба!
Валим отсюда!

Он ударил по тормозам и выскочил буквально на ходу. Второй воришка вышел из оцепенения и тоже сиганул из машины. Оба, хромая — разодрали брюки, сбили колени в кровь, — рванули по шоссе, а затем нырнули в кювет, ожидая взрыва. Не дождавшись, помчались дальше, только их и видели. Пикап, проехав по инерции метров десять, остановился. Только тут чемодан почувствовал облегчение. Вот и полиция подъехала. Смотрят — пустой пикап, внутри старый чемодан.

— Машина-то, похоже,
в угоне, — сказал сержант. —
Поедем-ка в аэропорт,
доложим начальству.

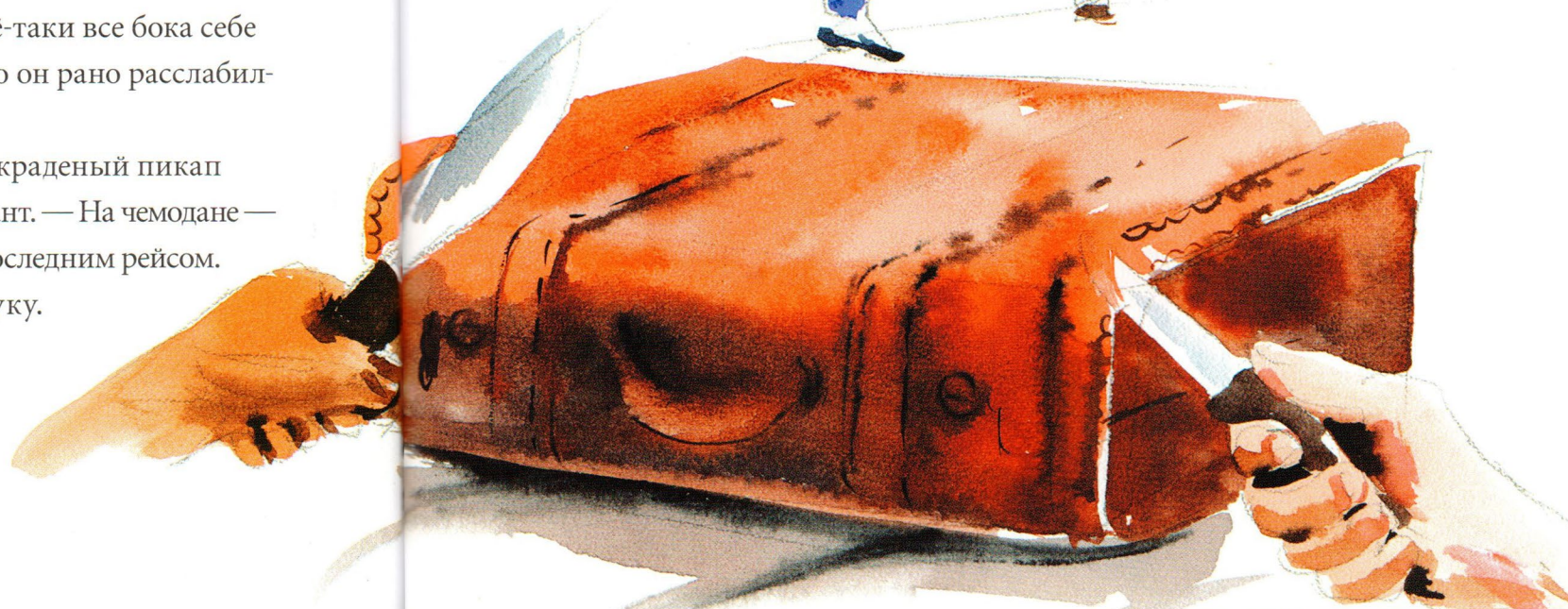
Вот тут чемодан почувствовал себя в безопасности. Развалился на заднем сиденье поудобнее — всё-таки все бока себе отбил, сопротивляясь криминалу. Однако он рано расслабился. Доехали быстро.

— Сеньор капитан, нами обнаружен краденый пикап с чемоданом внутри, — отрапортовал сержант. — На чемодане — багажный талон; судя по нему, прибыл с последним рейсом.

— Дай сюда, — капитан протянул руку.

— Извольте.

Тут капитан услышал тиканье.

«Только этого мне не хватало. Ведь выстрелит — всё мне переломает. Кому я нужен буду, покалеченный. Думай, думай» — это чемодан себе говорил. Робот — тот раздумывать не станет. Капитан явно готовился крикнуть «Пли!». Он приосанился и уже набрал в лёгкие воздух, чтобы командовать повыразительней.

Но и чемодан был не промах. В самый последний

момент он всех удивил. Вместо того чтобы безропотно дать себя расстрелять, он вдруг раскрылся, показывая, что ничего дурного за душой не имеет. Щёлкнул замками, ремнями пошевелил — как руки протянул: нет ничего опасного, смотрите. И крышку распахнул: пожалуйста, копайтесь в вещах, всё мирно, безобидно.

Никто не ожидал от чемодана такого поведения. Но и стрелять было как-то неудобно. Капитан недоверчиво присматривался: вещи носильные, это видно. Но ведь тикает же что-то, надо разобраться.

— Не подходить! — скомандовал капитан.

Что оставалось чемодану? Он напрягся, напружинился, а затем как бы вытолкнул будильник! Тот и покатился по направлению к оцеплению. Что тут началось! Робот, конечно, выстрелить из своей водяной пушки не успел, так и простоял в полной растерянности. А солдаты — кто успел убежать, а кто бросился на землю, прикрыв голову руками. Капитан тоже залёг, ни жив ни мертв со страху. Так и пролежали с минуту. Наконец с опаской поднялись. Капитану поднесли будильник, он посмотрел и только сплюнул от досады. Надо же так опростоволоситься! Столько шума из ничего. Но наказывать было некого. Не чемодан же наказывать.

Никто не знает, сколько сил потратил папа, чтобы заполучить свой чемодан обратно из этой маленькой страны. Наверное, легче было бы купить сотню новых. Зато все остались довольны: и капитан, и сержант, и директор местного аэропорта.

А уж как чемодан был рад вернуться домой! Расхристанный, пустой, уставший, зато ужасно довольный собой. Как же, и вора не дался, и против робота с пушкой устоял. Характер у него был такой, горделивый. У всех свои слабости. А так он чемодан хороший. Папа его на всякий случай с собой в поездки больше не берёт, боится за него: прямо притягивает чемодан на свою крышку приключения. Пора и на покой. Стоит теперь чемодан на полке, прямо музейный экспонат. Но Тея-то его насквозь видит: ох не прост этот чемодан, который гуляет сам по себе! Он себя ещё покажет. Тея на всякий случай нет-нет да и погрозит ему пальчиком: смотри у меня! Не вздумай сбежать, огорчить папу... Тот успокаивающе пошевелит ремнями: не бойся, не подведу. Но кто знает, что на уме у этого озорного чемодана...

УДК 82/93
ББК 83.3(2Рос-Рус)
Б 83

6+

Издание не рекомендуется детям младше 6 лет
Иллюстрации Марины Фёдоровой

Боровский А.

Б 83 Чемодан, который гулял сам по себе : [сказка] / Александр Боровский. — СПб. : ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2014. — 48 с. : ил. — (Серия «Сказки на вырост»).

ISBN 978-5-367-02934-5 (ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора»)
ISBN 978-5-4357-0300-9 (ООО «Петроглиф»)

У папы шестилетней Теи есть чемодан. Чего же тут удивительного? Это необычный чемодан, он очень любит путешествовать и притягивать на свою крышку приключения.

УДК 82/93
ББК 83.3(2Рос-Рус)

ISBN 978-5-367-02934-5
(ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора»)
ISBN 978-5-4357-0300-9
(ООО «Петроглиф»)

© ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2014

*Литературно-художественное издание
Для среднего школьного возраста*

Боровский Александр Давидович

ЧЕМОДАН, КОТОРЫЙ ГУЛЯЛ САМ ПО СЕБЕ

Ответственный редактор *Анастасия Козакевич*
Художественный редактор *Иван Лицук*
Корректор *Екатерина Волкова*

Подписано в печать 06.02.2014.
Формат издания 70×100^{1/16}. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 3,9. Тираж 3000 экз.
Заказ № 6888.

ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора».
197110, Санкт-Петербург, наб. Адмирала Лазарева, д. 20, литера А.
www.amphora.ru, e-mail: secret@amphora.ru

ООО «Петроглиф».
191002, Санкт-Петербург, ул. Достоевского, д. 22, литера А, помещение 1-Н.

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО «Тверской полиграфический комбинат».
170024, г. Тверь, пр. Ленина, д. 5.
Телефон: (4822) 44-42-15, (495) 748-04-67;
телефон/факс: (4822) 55-42-15

Часто ли вам кажется, что вещи живые
и, стоит нам отвернуться,
они тут же начинают проказничать?
В сказке Александра Боровского
о чемодане, который гулял сам по себе,
опытная путешественница Тея расскажет
о приключениях папиного багажа,
и вы узнаете, к чему приводят
такие проказы.

ф амфора
amphora.ru

6+